

УДК 330.834.1

Л. В. Кусургашева

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», Кемерово, e-mail: kusurgashevalv@mail.ru

С. Н. Черновол

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», Кемерово, e-mail: fenika71@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: СТАГНАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Ключевые слова: либерально-монетаристская модель, монетаризм, экономическая политика, кейнсианская научно-исследовательская программа, стагнация.

В статье рассмотрена необходимость смены парадигмы экономической политики, проводимой российским государством. Выявлены основные направления критики либерально-монетаристской модели перехода к рыночной экономике и ее продолжения в виде политики макроэкономической стабилизации исключительно в виде контроля над денежным предложением (политика «дорогих денег»). Сделан вывод о том, что первоочередной задачей экономической науки является выработка модели развития, соответствующей как особенностям исторического развития России, так и современному состоянию ее экономики и актуальным трендам мирового развития. Текущее состояние российской экономики квалифицируется как стагнация, преодоление которой требует смены традиционной макроэкономической политики. При этом основной альтернативой ее остается кейнсианская концепция государственного регулирования экономики. На основе анализа взглядов российских экономистов с точки зрения концепции научно-исследовательских программ И. Лакатоса идентифицированы основные направления рецепции кейнсианских идей в отечественной экономической мысли постсоветского периода. Это позволяет говорить о том, что в теории накоплен определенный потенциал для смены парадигмы экономической политики, перехода от либеральной концепции минималистского государства к активной роли государства в обеспечении темпов, пропорций и качества экономического роста. В связи с этим рассмотрены рекомендации неортодоксальных экономических теорий и их применимость к современным российским условиям.

L. V. Kusurgasheva

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo,
e-mail: kusurgashevalv@mail.ru

S. N. Chernovol

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo,
e-mail: fenika71@yandex.ru

PARADIGM SHIFT OF ECONOMIC POLICY: ECONOMICS AND STAGNATION OF RUSSIAN ECONOMY

Keywords: liberal monetaristic model, monetarism, economic policy, Keynesian research program, stagnation.

The present article analyzes a problem of paradigm shift of economic policy conducted by Russian government. It depicts a limited nature of a liberal monetaristic model of a transition towards market economy and its extension in a form of macroeconomic stabilisation policy implemented solely as a state control over money supply (a «dear-money» policy). The article further concludes that it is the first priority for economics to work out a model of development aligned both with developmental challenges of Russia and with current state of Russian economy and up-to-date tendencies of global development. The current state of Russian economy is qualified as stagnated, and in order to overcome it would require to shift a traditional macroeconomic policy. Upon that, Keynesian concept of state regulation of economy remains the main alternative. Based on an analysis of positions of Russian economists from the point of Lakatosian concept of research programs, major directions of reception of Keynesian ideas are identified within Russian post-Soviet economic thought. It allows to argue that there is a potential stored within doctrine to shift a paradigm of economic policy and to transit from a liberal concept of minimalistic state towards an active role of the state in ensuring pace, scale and quality of economic growth. In that connection, recommendations of unorthodox economic theories are analyzed from the point of their applicability to current Russian circumstances.

Введение

Посткризисное развитие российской экономики характеризуется полным исчерпанием потенциала экспортно-сырьевой модели экономического роста, что выражается прежде всего в ее неспособности обеспечить необходимый динамизм и качественное развитие. Эта модель является результатом проведенных в 90-е прошлого века радикальных рыночных реформ, известных как «шоковая терапия», основанная на рекомендациях неолиберального «Вашингтонского консенсуса». Несмотря на теоретическую критику либерально-монетаристской модели рыночного реформирования и практические свидетельства ее несостоятельности, в своих основных моментах она продолжает определять макроэкономическую политику российского государства. Чем определяется приверженность российского регулятора либеральным принципам в области экономической политики? Ответ на этот вопрос тесно связан с идеологическими предпочтениями правящего класса, сформировавшимися в позднесоветский и постсоветский периоды, однако, он имеет и объективное обоснование, обусловленное местом России в капиталистической миросистеме.

Цель исследования

Современная экономическая политика российского государства, направленная на финансовую стабилизацию и бюджетную консолидацию, не может обеспечить достижение национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года, поставленных Президентом вскоре после своего переизбрания. Ускорение технологического развития, обеспечение темпов экономического роста выше среднемировых и решение на этой основе накопившихся социальных, экологических и демографических проблем требуют смены парадигмы экономической политики. В статье ставится цель рассмотреть взаимосвязь экономической теории и экономической политики в контексте состояния и тенденций развития российской экономики.

Материал и методы исследования

Анализ взаимосвязи экономической теории и экономической политики в кон-

тексте состояния и тенденций развития российской экономики может быть проведен на основе политэкономического подхода с использованием общенаучных методов познания.

Имеется обширная литература по критике либерально-монетаристской модели реформирования российской экономики. При этом в начале рыночных преобразований критика шла по линии методолого-теоретических основ монетаризма и неадекватности его рекомендаций российским условиям. В частности, С.Ю. Глазьев утверждает, что М.Фридмен дополнил нереалистичные аксиомы неоклассики предпосылками, еще более далекими от экономической реальности любой страны. Опираясь на факты, он приходит к выводу, что «придуманная полвека назад в США монетаристская теория применяется исключительно для внешнего потребления зависимыми странами. Выражаясь современным языком, она применяется денежными властями США в качестве когнитивного оружия, поражающего сознание элиты туземных стран в целях навязывания им нужной американскому капиталу макроэкономической политики» [1, с. 10]. Еще одним важным основанием критики либерально-монетаристской модели реформирования российской экономики выступает игнорирование особенностей хозяйственного строя России. То, что выбор теоретического основания и практических мер развития страны должен определяться «историческим наследием страны, в том числе достигнутым в предыдущий период уровнем экономического развития и социальной обеспеченности граждан», с начала реформ говорил С.С. Дзарасов, доказывая, что применение рецептов монетаризма приведет к провалу реформ [2, с. 76].

Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженев обращают внимание на скорость проведения рыночных реформ, указывая на то, что рациональный капитализм в странах развитого капитализма стал результатом долгосрочного ненасильственного развития. С другой стороны, «рациональному капитализму противостоит капиталистический авантюризм. Эта деятельность направлена на быстрое получение максимально возможной наживы путем

насилия, обмана, спекуляций, подкупа представителей властей и т. д.» [3, с. 174-175]. В результате приватизации государственные активы оказались в руках «внезапно разбогатевших выходцев из номенклатуры и криминалитета» [3, с. 181]. Либерализм в России трактуется как неограниченное господство капиталистов и является «идеологическим прикрытием для авантюрного капитализма» [3, с. 184].

Уже с первых лет проведения монетаристской политики критика монетаризма начала подкрепляться эмпирически. Как известно, для монетаристов кредитно-денежная политика будет эффективна при соблюдении так называемого «денежного правила», представляющего автоматический метод регулирования денежной массы. Конкретное содержание его заключается в поддержании устойчивого роста денежного предложения, независимо от состояния хозяйственной конъюнктуры и фазы цикла. На практике денежное правило реализовывалось первоначально в форме «таргетирования денежной массы», позднее – «таргетирования инфляции». Однако анализ динамики этих показателей не выдерживает эмпирической проверки с точки зрения самой монетаристской теории. Так, В.В. Ильященко в результате исследования состояния финансового сектора экономики России и ее денежно-кредитной и финансовой политики в период с начала 90-х прошлого века по 2015 год приходит к выводу, что в течение всего периода «устойчивая прямая зависимость между приростом денежной массы и уровнем инфляции в России не проявилась» [4, с. 168]. На усиление инфляционных процессов при сжатии денежной массы в России, как несостоятельность рекомендаций монетаризма, указывает и академик С. Глазьев. Ученый считает, что «российская экономика несомненно характеризуется серьезной недомонетизацией»; такие результаты, на его взгляд, понятны, «ибо в условиях демонетизации сжатие денежной массы ведет к падению производства, соответственно к уменьшению покупательской способности денег; снижение же инфляции обеспечивается как раз расширением объемов производства и повышением его эффективности» [5, с. 10-11].

Критика монетаризма как теоретической основы рыночного реформирования и проведения макроэкономической политики в дальнейшем с самого начала и до сих пор сопровождается дискуссией по поводу приоритетности двух основных инструментов макроэкономического регулирования: кредитно-денежной и фискальной политики. Начало ей на Западе было положено в 70-е годы XX века полемикой между монетаристами, критиковавшими кейнсианские программы по управлению совокупным спросом посредством проведения активной бюджетной политики и выдвигавшими на первый план автоматическую, основанную на жестких правилах монетарную политику, и фискалистами, доказывавшими эффективность дискреционной фискальной политики. Очевидно, что точку в этом споре может поставить только практика, в том смысле, что эффективность экономической политики доказывается высокими и стабильными темпами роста экономики. На Западе в связи с этим были предприняты попытки вычленив вклад кредитно-денежной и фискальной политики в обеспечение экономического роста. Однако модели, используемые монетаристами и кейнсианцами, дают разные результаты и не могут, видимо, служить основой их сравнения. Следует отметить, что несмотря на утверждение господства неоклассического мейнстрима, развитие кейнсианской научно-исследовательской программы на Западе не прекращалось, а в связи с последним мировым экономическим кризисом и формированием «новой нормальности» произошел взрывной рост публикаций о Кейнсе и «по Кейнсу».

В отечественной экономической литературе кейнсианский подход к анализу экономики актуализировался прежде всего в связи с неудовлетворительными последствиями российских реформ. Анализ взглядов российских экономистов с точки зрения концепции научно-исследовательских программ И. Лакатоса показывает, что их разработки укладываются в рамки кейнсианской программы, как с точки зрения «твердого ядра», так и «защитного пояса». Предметом исследования российских экономистов все чаще становятся совокупный спрос и его составляющие, неопределенность и факторы, ее определяющие. В целом,

«основными направлениями рецепции кейнсианских идей в отечественной экономической мысли постсоветского периода выступают: 1) эмпирическое подтверждение моделей Р. Харрода, Дж. Тобина, А. Эйхнера, кейнсианских функций потребления, сбережений и инвестиций, 2) создание модели эндогенного роста с учетом инвестиционной близорукости, описывающей образование «порочного круга долгосрочного спада», 3) создание модели инвестиционного поведения крупного российского бизнеса с учетом особенностей инсайдерского контроля и образования ренты» [6, с. 20]. Все это говорит о том, что в отечественной экономической науке вектор развития смещается в сторону кейнсианства. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в теории накоплен определенный потенциал для смены парадигмы экономической политики, переход от либеральной концепции минималистского государства к активной роли государства в обеспечении темпов, пропорций и качества экономического роста.

Результаты исследования и их обсуждение

Взаимосвязь экономической теории и практики. Экономическая теория как наука общественная выполняет четыре функции: познавательную, практическую, методологическую и идеологическую. Связь теории и практики осуществляется только через реализацию экономической теорией всех своих функций, но наиболее наглядно эта связь проявляется в практической (прогностической) функции. Содержание практической функции, по общему мнению, заключается в том, что позитивные знания, вырабатываемые теорией («как есть на самом деле»), дают основу для нормативных рекомендаций для экономической политики, проводимой государством («как должно быть»). Это принципиальная схема крайне упрощает связь теории и практики, поскольку не учи-

тывает всех опосредствующих звеньев, лежащих между ними. В частности, экономическая теория, претендующая на некую универсальность (всеобщность), не является и не может являться таковой в силу, как минимум, специфики формирования своего предмета [7, с. 232]. Следовательно, экономическая теория в своей позитивной части не может быть прямым руководством к действию как основа макроэкономической политики. В реальной действительности последняя является результатом действия множества объективных и субъективных факторов. Сказанное означает не отрицание необходимости, возможности и практической реализуемости принципа научности экономической политики, а неизбежность поиска «своего пути». А именно: любая страна должна найти (выработать) соответствующую своим особенностям исторического развития, специфике институционального устройства, объективным условиям начала реформирования модель развития.

Состояние российской экономики. Основная характеристика современного этапа развития российской экономики – стагнация, выражающаяся в снижении темпов роста до величин, сопоставимых со статистической погрешностью (таблицу).

Если взять отдельные показатели, то их динамика также говорит об исчерпании потенциала экспортно-сырьевой модели. За шестилетний период (2013–2018 гг.) рост промышленного производства составил 0,6%, инвестиции сократились на 3,4%, объем строительного производства упал на 7,2%, объем розничного товарооборота – на 4,9%. Продолжается старение основных фондов, 23% машин и оборудования работают сверх сроков амортизации. Суммарное снижение реальных располагаемых доходов населения за шесть лет составило 6,9%, растет число бедных, с 2017 года возобновилась депопуляция населения [9, с. 17-18].

Рост ВВП (годовой %) [8]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,3	-0,3	1,6	2,3
Мировая экономика	1,8	-1,7	4,3	3,1	2,5	2,7	2,8	2,9	2,6	3,2	3,0

Причины стагнации называются разными, начиная от влияния внешних факторов (замедление мирового роста, санкции) до «ловушки среднего дохода», однако, все экономисты сходятся в одном – в необходимости смены модели экономического роста. При этом, большинство из них согласны с тем, что *«потенциал безраздельно господствующей вот уже третье десятилетие в нашей стране неоклассической экономической парадигмы недостаточен для адекватного ответа на все более глубокие проблемы общественно-экономических практик, на вызовы технологического прогресса»* [10, с. 7]. Отсюда вытекает необходимость обращения к неортодоксальным школам экономической мысли, включая разработки отечественных экономистов.

Потенциал неортодоксальных экономических теорий в преодолении стагнации российской экономики. В связи с тем, что с момента возникновения макроэкономики в экономической теории противостоят фактически две научные программы: неоклассическое направление и кейнсианство, представляется закономерным вопрос: насколько реальные процессы, происходящие в современной экономике, соответствуют этим программам? Неоклассическое направление в своих макроэкономических теориях продолжает опираться на механизм совершенной конкуренции (пусть и с некоторыми ограничениями) и, видимо, будет на них опираться, так как отказ от него означает разрушение ее твердого ядра. Это обстоятельство приводит к тому, что неоклассические теории продолжают описывать некие идеальные условия функционирования рынка, которые, как показывает историческая практика, все более и более отдаляются от реально происходящих экономических процессов.

В противовес этому, кейнсианство как научно-исследовательская программа не проявляет признаки «растерянности». Экономисты – приверженцы кейнсианских позиций объясняют множество появившихся в последние 20–30 лет тенденций, которые усугубили ситуацию несовершенного рынка, описанную Дж.М. Кейнсом. С кейнсианских позиций делаются предсказания, которые эм-

пирически подтверждаются и предлагаются практические рекомендации.

Представляется, что кейнсианские рекомендации выхода из кризиса, созданного факторами изменившегося мира как «новой нормальности», наиболее полно (как общие направления) представлены Дж. Стиглицем. Он пишет: «Более эффективная экономика и более справедливое общество строятся на том, чтобы заставить рынки работать именно как рынки – более конкурентными, менее эксплуатирующими – и закаленными к эксцессам... К несчастью, мы двигаемся в неверном направлении; существует риск, что политические и экономические изменения ухудшат положение. Я заканчиваю на ноте, подчеркивающей, что должно случиться, если мы изменим курс – осторожной ноте оптимизма» [11, с. 340]. Единственными проигравшими от предлагаемых Стиглицем реформ могут стать, как пишет сам экономист, «некоторые из 1 процента – те, чей доход, например, зиждется на рентоориентированном поведении, и те, кто с ними сильно связан» [11, с. 341]. Исследования российских экономистов (Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженов) показали, что российский бизнес в большинстве своем рентоориентирован, а крупный бизнес рентоориентирован практически полностью, что указывает на то, что сопротивление переменам в российской экономике будет, видимо, ожесточеннее, чем в экономиках развитых стран.

Рекомендации Дж. Стиглица имеют несколько направлений [11, с. 341-356]:

1) сдерживание «излишек» сверху, что включает в себя семь реформ: сдерживать деятельность финансового сектора; установить строгую и эффективную реализацию законом о конкуренции; ограничить возможности менеджеров выводить корпоративные ресурсы на собственные нужды (проблема, рассматриваемая Р.С. Дзарасовым и Д.В. Новоженовым); введение многоуровневого закона о банкротстве («закон о банкротстве, более дружелюбный к заемщику, даст банкам мотивацию быть более внимательными при кредитовании»); прекратить государственную раздачу корпорациям

и банковскому сектору в явной форме; прекратить материальную поддержку корпоративного сектора (раздача в скрытом виде, через налоговую систему и иные «лазейки»); «демократизация доступа к правосудию и уменьшение гонки вооружений»;

2) создание прогрессивной налоговой системы; создание эффективной системы налогообложения наследуемого имущества. На необходимость более жесткого налога на наследуемое имущество и активов указывает и В.Т. Рязанов, считая это частью поддержки менее защищенного населения, благодаря выравниванию жизненного старта [12, с. 625];

3) целенаправленная помощь «99-ти процентам»: максимально свободный доступ к образованию для всех; помогать сберегать бедным (например, система льгот, помогающих приобрести жилье); обеспечение свободного доступа к медицинской помощи для всех; другие программы социальной поддержки;

4) умерить (смягчить) глобализацию;

5) меры по восстановлению и поддержке полной занятости с целью повышения благосостояния рядовых граждан, через политику распределения национального богатства;

6) «поддержка коллективных действий работников и граждан»;

7) рост, основанный на государственных инвестициях; перенаправление инвестиций и инноваций (как частных, так и государственных) на создание рабочих мест и охрану окружающей среды.

В.Т. Рязанов также считает, что «переход к эколого-ориентированному и социально-сбалансированному экономическому росту на данный момент представляет собой долгосрочный ориентир в понимании хозяйственной модели будущей экономики» [12, с. 625];

8) пытаться обеспечить доступ к менее искаженной информации; стремиться делать деньги менее важными для политического процесса; сделать голосование обязательным и более значимым; обеспечить политический процесс более чуткий к нуждам «99 процентов».

Заключение

Таким образом, анализ кейнсианской научно-исследовательской программы показал, что изменения, произошедшие в экономико-хозяйственной жизни, не изменили законов ее функционирования. Мир стал еще более кейнсианским и менее неоклассическим. Это означает, что настало время для изменения парадигмы экономической политики. Несмотря на отсутствие в российском научном сообществе консенсуса относительно теоретической основы экономической политики и конкретных мер, которые могут привести к выводу российской экономики из стагнации, очевидно, что эта политика должна базироваться на отказе от монополии неоклассического мейнстрима и создании собственной модели, в основу которой должны быть положены разработки отечественных экономистов в русле кейнсианской научной программы.

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Нищета и блеск российских монетаристов. Часть 1 // Экономическая наука современной России. 2015. № 2 (69). С. 7–21.
2. Дзарасов С. В тупике нерыночного капитализма (ограниченность монетаристских методов экономической стабилизации) // Вопросы экономики. 1997. № 8. С. 73–90.
3. Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М., 2009. 512 с.
4. Ильященко В.В. Влияние рестриктивной денежной и финансовой политики на инфляцию в России // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 162–171.
5. Глазьев С. В «тысячу первый» раз о выборе между стратегиями социальноэкономической деградации страны и современного народнохозяйственного развития (заметки участника заседания Экономического совета при Президенте РФ) // Российский экономический журнал. 2016. № 3. С. 3–17.

6. Черновол С.Н. Эволюция кейнсианства как развитие научно-исследовательской программы: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Москва, 2019. 25 с.
7. Кусургашева Л.В., Лубягина Л.У. Глобализация и необходимость развития теории национальной экономики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4–1 (60). С. 231–236.
8. DataBank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения 24.09.2019).
9. Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 17–24.
10. Бодрунов С.Д. Политическая экономия в эпоху технологических и социальных трансформаций: от обновления теории к обновлению практики // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 17–24.
11. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. 512 с.
12. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М., 2016. С. 695.